

ИЗ ДНЕВНИКА

Хотелось бы мне жить более духовной жизнью, — верую, а не ведением. И со мною случаются иногда проблески этого состояния, могу привести примеры. Но я боюсь вверяться ему, как еще неискусная в духовной жизни, чтобы не посмеялся враг моего спасения. Как мне об этом разуместь и положиться; надобно будет спросить батюшку моего отца Иоанна. Он объят Духом Божиим, и я слово его принимаю за внушение Божие.

(Слова батюшки отца Иоанна Кронштадтского: «Веру и ведение соедини в потребных случаях»¹.)

Однажды я думала о высоте молитвы отца Иоанна. Вдруг независимо от моей мысли (ибо это была не мысль, а чувство произвольное), он представился мне стоящим у жертвенника и как бы совершающим проскомидию. Вместе с сим сердце мое наполнилось чувством как бы не моим, а как бы его чувство сделалось для меня ощутительно и понятно (не знаю, как это

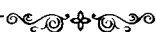
¹ В журнале «Кронштадтский Пастырь» за 1917 год, где были опубликованы тексты из дневника игумении Таисии, помещено следующее примечание редактора: «Очевидно, что батюшка о. Иоанн Кронштадтский был ознакомлен с этими отделами дневника игумении Таисии и высказал по поводу их свои замечания».

было) — но я ощутила такое близкое отношение его к Господу, какое может существовать только между сыном и отцом, или между самыми нежными друзьями. Мне казалось, что в просфоре, которую он держит в руке, он как бы держит Самого Господа, умирающего за грехи людей, и говорит Ему со слезами: «Како погребу Тя, Боже мой!» Не умею не только передать, но и сознать, что было со мной, словно какое-то стороннее наитие, дававшее мне чувствовать чужое чувство. О, как сладостно и чудно было это! И не только чувство сыновней любви батюшки к Господу я ощущала, но и близость Господа к нему была мне показана в эти минуты. Не умею передать словами.

(Слова отца Иоанна Кронштадтского: «Это бывает со мною при совершении *Литургии верных*».)

Очень утомленная суетой своей должности, в течение нескольких дней не имев минуты свободной в своем распоряжении, я выбилась из сил и, присев в келье, невольно вслух сказала: «Когда же я доберусь до Тебя, Господи, чтобы на свободе пасть пред Тобою!» И без всякой предварительной мысли (ибо я не могла мыслить от утомления, изнемогла), мне напомнимсь слова: *Кто ны разлучит от любви Божия?* (Рим. 8, 35) — не покидай ни на минуту из сердца Господа и Он всегда — с тобою среди самой суеты и утомления твоего. Думаю, — эта мысль была от Бога, ибо она успокоила даже физически.

Путаная какая-то жизнь моя, не могу идти прямо ко Христу, как бы хотелось, ну что я могу сделать для Тебя, Сокровище мое, Господи? Я, как птичка в золотой клетке, в своем высоком сане, не дающем мне духовной свободы, взлетать от земли к небу. Прикована к суете земных попечений. И богомудрые отцы пишут, что «многотяжелый ум не может зреть Бога». А я всю жизнь



стремлюсь к этому и все не достигаю. Бедная я, бедная, ни к чему больше не пригодилась, как к суетной должности *пещись и молвить о мнозе* (Лк. 10, 41). Впрочем, и то иногда думается, не без Промысла Божия это возложено на меня; теперь послушание мое в этой должности искупает недостаточность жизни созерцательной, духовной; а Бог знает, достигла ли бы последней, если бы и свободна была, а тогда уже была бы безответна; значит — за все слава Богу. *Смирися, и спасе мя* (Пс. 114, 6).

Сегодня, читая Евангелие, я остановилась на словах: *Ни Отца кто знает токмо Сын* (Мф. 11, 27), и задумалась о близости Отца к Сыну. И мне как-то вполне (по моему маленькому уму) уяснилось: кому же ближе и лучше знать мысль ума, как не слову, выражающему эту мысль. Так ведь и в человеческой природе бывает. Слово — выражает мысль. Слышащие слово могут его не понять, а само слово вполне выражает мысль, или что то же: оно и есть выражение или воплощение мысли, и Сын Божий, Слово Божие, есть выражение Отца, т. е. мысли, Живой образ Отца, печать равнообразная; ибо что же и высказало Слово, как не превечную мысль и волю Отца о спасении созданного человека, посредством олицетворения Своего в образе человека, «подобным подобное призва»¹. Если человек не выскажет мысли словом, то мысли его никто не видит, а когда выскажет, то все услышат. Так и Отец Бог, если бы не выразил Себя в лице Сына Своего: *Аз и Отец едино есма* (Ин. 10, 30) и *Отец во Мне* (Ин. 14, 10), то и люди не познали бы Его так, как познали благодатно, совершенно, а только гадательно, чаятельно, как в Ветхом Завете и было.

Впрочем, я не пытаю, и не вижу нужды пытаться, ибо всегда верую несомненно и при том не слепо, а, кажется, и понимаю,

¹ Акафист Пресвятой Богородице. Кондак 10.

или если же не понимаю, то чувствую все догматы нашей веры, они для меня ясны. Я понимаю тайну Святой Троицы, тайну Святой Евхаристии, тайну бессмертия души и ее постепенное усовершенствование и многие тайны и образы для меня ясны и осязательны. Я часто удивляюсь неверию людей и спрашиваю себя: как это можно не верить? Неверие, по-моему, есть отсутствие здравого духовного разума.

Какое торжество чувствует человек, когда спасет ближнего от беды, особенно, если это стоит ему собственных страданий и лишений. Я это испытала на себе. Какое же святое торжество должно было наполнять Святейшую душу Богочеловека, искупившего Своими страданиями человека!.. Он удовлетворил правде Отчей, примирил Бога с возлюбленным созданием, человеком. Он возвратил изгнаннику рай. О какое светлое чувство! Это можно только чувствовать, а не умом постигать.

Странное, необычное в иное время, чувство наполняет душу, когда ожидаешь посещения отца Иоанна (Кронштадтского). Душа, как бы сама собою, сосредоточивается, наполняется благоговейным чувством, скорбью о своем недостойнстве и радостью о его приезде. Душа рвется к нему, хочет излиться перед ним, открыться, исправить свои недостатки; будто бы в нем-то и заключается ее преуспеяние и усовершенствование. Однажды он сказал мне: «Ты думаешь обо мне выше, чем я есть». Не думаю я ничего и как могу думать о том, что превышает всякое мое понятие, а я просто чувствую, произвольно чувствую и не знаю могла ли бы заглушить это чувство. А сердце не обманет никогда. Он — какая-то великая сила...

(Слова отца Иоанна Кронштадтского: «Сила благодати».)